

Владимир
Колганов

Wow!

Тараканы

В

ГОЛОВЕ

Владимир Алексеевич Колганов

Wow! Тараканы в голове

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68867331

SelfPub; 2024

Аннотация

Эта книга рассказывает о некой талантливой актрисе, образ которой в какой-то мере создан воображением автора. Речь пойдёт о театре, о кино, об увлечении музыкой и литературой, и, конечно же, о современной моде. Не обошлось и без того, чтобы исследовать причины возникновения и возможности реализации таланта, а также представления актрисы о способах обретения счастья в личной жизни. Что касается тараканов, то автор не исключает, будто это тараканы в его голове, но читатель имеет право самостоятельно разобраться, что к чему.

Содержание

Глава 1. С чего бы это?	4
Глава 2. Гламурные бега	8
Глава 3. Кое-что о кумирах	13
Глава 4. Страсти по культуре	33
Глава 5. Ах, этот джаз!	48
Глава 6. Таланты и наставники	55
Глава 7. Иллюзия любви и счастья	67
Глава 8. Ещё о тараканах	73

Владимир Колганов

Wow! Тараканы в голове

Глава 1. С чего бы это?

Толчком для написания этой книги послужило странное, вроде бы ничем не спровоцированное событие – некая весьма популярная до недавнего времени актриса ушла из театра, где проработала более десяти лет. Возможно, это выдуманный мною персонаж, если иметь в виду черты его характера, хотя не исключено, что я недалёк от истины и это человек вполне реальный. Сразу хочу предупредить, что речь в книге пойдёт не только о талантливой актрисе, но в большей степени о судьбе актёра, о сложностях этой профессии, не будь которой наша жизнь утратила бы многие приятные черты, а для кого-то стала бы совсем невыносимой. Что касается тараканов, то, возможно, это тараканы в моей голове, а там кто знает... Вполне допускаю, что здесь не обошлось и без некоего раздвоения личности: актриса признавалась, что ей сложно справиться с двумя Эго, которые в ней живут. Будто бы с одним вообще не о чем разговаривать – у него что ни день, возникает паника по любому поводу, в общем, с ним явно не до смеха. Другое Эго существует по своим понятиям – напоминает мажора, который только вчера полу-

чил от американской тётушки миллионное наследство, и теперь весь московский бомонд пирует на эти его деньги, а что будет завтра мажора нисколько не волнует.

Как этого не понять, когда чуть не каждый день приходится выяснять отношения со своим «вторым я» – моим личным alter ego, никак не связанным с раздвоением личности актрисы, хотя к бомонду я не имею никакого отношения. Надеюсь, когда допишу эту книгу до конца, всё встанет на свои места и каждый персонаж, каждое Эго займёт предназначенное ему место.

Так почему же актриса сбежала из любимого театра? Говорят, что виной всему ура-патриотизм нового худрука – но это ещё можно пережить. Гораздо хуже, если имеет место ура-карьеризм, да ещё срабатывает принцип Питера, согласно которому «в иерархической системе каждый индивидуум имеет тенденцию подняться до уровня своей некомпетентности». Впрочем, могли просто характерами не сойтись – худрук известен буйным нравом ещё с юных лет, не зря же его «попросили» из одного театрального училища, а затем из школы-студии МХАТ. Да и наша «героиня» та ещё штучка – в одном из интервью призналась, что в юности была стервой и даже занозой в заднице. Кто знает, возможно, это её третье Эго с тех пор ничуть не изменилось.

Есть и ещё одна возможная причина «театрального конфликта»: якобы худрук обладает неиссякаемым набором приспособлений, чтобы заставить актёров воплотить в жизнь

его оригинальный замысел. Что это за набор, актриса так и не сказала – надеюсь, что обошлось без плётки, как у Карабаса-Барабаса, без нецензурных выражений и прочих методов давления на психику. В общем, с новым худруком ей не повезло, хотя для ухода из театра могли быть более веские причины... И тут у меня возникла мысль: а что если она задумала эмигрировать на Запад? Ведь не одной ей хочется поработать в другом мире, где вроде бы настоящие камни ограняют. Но были кое-какие опасения: не дай бог, придётся работать официанткой где-нибудь в Лос-Анджелесе, точнее в Голливуде, таская за пазухой сценарии.

Если не позвали восемь лет назад, теперь и вовсе не на что надеяться. Актриса, получившая премию чуть ли не из рук президента, не нужна ни в Европе, ни за океаном. Нет уж, путь туда заказан! По крайней мере, в ближайшие несколько лет. Конечно, жаль, что так произошло, но, хотя Россия богата самобытными талантами, без нашей «героини» стало бы тоскливо. Да и что толку бежать за океан? Прошли те времена, когда в Голливуде «настоящие камни ограняли» – теперь всё больше «рубят» на потребу публике. Тут самое время порассуждать о кризисе культуры – возможно, его нет, но вот никак не удаётся избавиться от ощущения, что приближается нечто ужасное, чему пока не нашли точного названия. Написал об этом книгу «Превратности культуры», но уже после того, как отправил её на ЛитРес, наткнулся на опубликованную в 2016 году статью Ирины Александровны

Антоновой, в то время президента Пушкинского музея:

«Я думаю, в первые десятилетия XX века закончился огромный исторический период в искусстве, включающий в себя и тот, что начинался Ренессансом. Мы свидетели действительно большого кризиса художественной системы. И этот кризис может длиться не одно столетие, сопровождаясь реминисценциями... Меня часто спрашивают, что такое «Чёрный квадрат» Малевича. Я отвечаю: это декларация – "Ребята, всё кончилось"... Возьмите Достоевского. Его Сонечка в совершенно ужасающих обстоятельствах сохраняет ангельскую высоту духа. Но в новом времени, а значит, и в искусстве Дух становится никому не нужен... Культуре не помогают. Не помогают даже умереть...»

Довольно мягко сказано, а вот сто лет назад и даже ранее в выражениях нисколько не стеснялись – Фридрих Ницше предсказал, что, если так пойдёт, мы превратимся в обезьян. Но пока этого вроде бы не случилось, и «виной» тому особенности здешнего гламура – трудно представить себе обезьяну в наряде от Dior или Versace, хотя при наличии воображения и такой итог нас не удивит.

Глава 2. Гламурные бега

«Смотрю я на тебя и восхищаюсь, Артур! Вот уж ты и во фраке. Не человек ты, а игра природы – тараканий царь. Ну и везёт тебе!»

Эту фразу произнёс генерал Чернота, один из персонажей пьесы Михаила Булгакова «Бег». Далее солирует Артур:

«Мсье, дам! Бега открыты! Не виданная нигде в мире русская придворная игра! Тараканьи бега! Курс де кафар! Ламюземан префере де ла дефянт эмператрис рюсс! Корсо дель пьятелла! Рейс оф кок-рочс!»

Напомню, что описанные Булгаковым события происходили в Константинополе много лет назад, однако нетрудно представить себе нечто подобное на какой-нибудь презентации, торжестве по случаю юбилея соратника по киноцеху или даже в одном из ночных клубов нынешней Москвы. Вы спросите: при чём тут тараканы? Конечно, ни при чём, однако ставки здесь делают наверняка – одни ставят на то, что N сегодня явится в наряде от Valentino, ну а другие заранее отдают пальму первенства NN в «прикиде» от Chanel. Ведь любопытно, кто кого сегодня переплюнет!

Впрочем, Стамбул уже не актуален – гламурная публика предпочитает Рим. Ведь это же ни с чем не сравнимое ощущение – запечатлеть себя на фоне Колизея и непременно выложить это в Инстаграм, затем откусать устриц в ресторане

alla Rampra – там есть меню на русском языке. Ну а зачем ещё тащиться в этакую даль? Ох, чуть не забыл – непременно надо посмотреть Рафаэля и Тициана. И не забудьте по возвращении домой сказать: «я там была», и все будут восхищаться вами, скрывая зависть, потому что до сих пор не знают, что такое «Тициан» – то ли название фирмы, выпускающей колготки, то ли памятник защитнику свободных нравов, пострадавшему от рук невежественной толпы. С Рафаэлем же всё просто – наверняка актриса закрутила с ним роман, потому и выпячивает никому не известную персону. Так подумают гламурные подруги (если таковые есть) – на том и успокоятся.

Возможно, я слегка переборщил в своём ироничном комментарии, но вот что написал Шарль Бодлер в эссе «Об искусстве», опубликованном в середине XIX века. Вроде бы за прошедшие с тех пор годы многое должно было измениться, но нет – его слова актуальны и для наших дней:

«Среди публики, да и среди художников встречаются люди, которые, посещая Лувр, торопливо проходят мимо множества весьма интересных, хотя и второстепенных полотен, даже не удостоивая их взглядом, и замирают перед какой-нибудь картиной Тициана или Рафаэля, особенно из числа тех, которые больше других популяризированы литографией. Уходя, они с удовлетворением думают: "Этот музей я знаю". К тому же разряду принадлежат люди, которые, прочитав когда-то Боссюэ и Расина, воображают, будто знают

историю литературы».

Тут больше нечего ни убавить, ни добавить. Впрочем, опять чуть не забыл – это было бы совершенно непростительно! Каждая фотография нашей «героини» на гламурном сайте в интернете сопровождается многозначительной надписью, например: «костюм, туфли, всё – Dior; серьги Rose des Vents, золото, бриллианты, перламутр, Dior Joaillerie». Замечу, многозначительность возникает потому, что фирма щедро платит за рекламу своей продукции, любой сайт такого рода существует на «подачки» рекламодателей, ну а топ-модель исполняет роль живого манекена тоже не бесплатно. Каждому по делам его, и при этом никто не в обиде – в том числе и гламурные читатели.

Тут самое время перейти в кинопристрастиям актрисы. Оказывается, это оба «Брата», «Кавказский пленник» и «Страна глухих». Если речь зайдёт о мировом кинематографе, то безусловно следует упомянуть «Криминальное чтиво», «Матрицу», «Семь», «Побег из Шоушенка», «Титаник», «Форрест Гамп», «Красотку» и «Леона». Как говорила моя покойная тётушка, «на вкус и цвет товарищей нет», поэтому комментировать не стану, хотя «Леона» посмотрел бы ещё раз.

Однако обратимся к литературным увлечениям – поговаривают, что чтению актриса уделяет не меньше времени, чем любители компьютерных игр. Увы, в наше время начитанность – это большая редкость, причём не только начитан-

ность, но и подлинный талант. Каким же книгам наша «героиня» отдавала предпочтение пять лет назад? Тут и «Маленькая жизнь» Ханьи Янагихары, и «Моя гениальная подруга» Элены Ферранте, и «Неполная и окончательная история классической музыки» Стивена Фрая, и уж, конечно, приключения Эраста Фандорина, рождённого на свет стараниями Бориса Акунина-Чхартишвили.

Если к «Матрице» добавить сочинения Бориса Акунина, причём и то, и другое рассчитано на людей с сознанием подростка, тогда остаётся только руками развести. Как можно при таком «оригинальном» вкусе исполнять в театре роль Маши, одной из трёх сестёр в спектакле по пьесе Чехова? Возможно, давая интервью, актриса не рискует выйти за пределы, заданные нынешним гламуром, иначе для рекламы заграничных «брендов» найдут других топ-моделей и хорошеньких актрис. И в самом деле, скажи она, что в восторге от романа Достоевского, интервьюер выпучит глаза и спросит: «Это кто такой?» А я попробовал представить себе князя Мышкина в компании с Фандориным... Не получается. Может, Порфирий Петрович подойдёт? Да нет, куда там! Ещё более удивительный «букет» получится, если к Акунину добавить Брехта, Блока и Толстого.

Итак, судя по всему, у нашей «героини» не три Эго, а четыре, и у этих Эго вкусы заметно различаются: одно предпочитает Стивена Фрая, другое – Бертольда Брехта, третье – Бориса Акунина, четвёртое – Ивана Бунина в компании

с Толстым (с которым из трёх, мне установить не удалось), но те и другие Эго вроде бы напрочь отвергают сочинения Рубиной, Улицкой... Всё бы ничего, поскольку ни одного из нынешних российских авторов нельзя поставить в один ряд с Юрием Олешей, Андреем Платоновым и Юрием Трифоновым, но ясно, что эти четыре Эго словно бы мысленно находятся не здесь – одно проживает в лондонском Ист-Сайде, другое оказалась на вилле где-нибудь в Баварии, третье – на берегу Мёртвого моря, а четвёртое и вовсе занесло в двадцатый век, причём в самое его начало. Однако этому не стоит удивляться – подобное «размножение» незаурядной личности встречаешь сплошь и рядом, причём не только у актёров.

Мне уже приходилось писать о «двойниках» Дмитрия Быкова, ну вот и здесь примерно то же самое, с той лишь оговоркой, что актрисе удалось очень много добиться благодаря тому, что не рискнула лезть в политику. Скорее всего, здесь не обошлось без женской интуиции, но более вероятно, что для достижения успеха вполне хватило своего таланта и не пришлось в грязи копать, чтобы отыскать драгоценную жемчужину. Ну а теперь поздно и не нужно, к тому же, для политика совсем не подходят те наряды, которые носит наша «героиня» – это пиджаки, брюки и ботинки то ли от Jil Sander, то ли от Raf Simons, то ли от Bohemique. Я в этом совсем не разбираюсь, хотя тоже не могу обойтись без пиджака и брюк.

Глава 3. Кое-что о кумирах

Творческие успехи Бориса Акунина нет смысла подробно обсуждать, поскольку эпопея о Фандорине, завоевавшем сердца огромного числа любителей развлекательного чтения, не имеет никакого отношения к той русской литературе, которую прославили Пушкин, Достоевский, Толстой, Олеша, Платонов, Булгаков, Трифонов, Астафьев и Распутин. То же касается истории России – предпочитаю изучать её в изложении Карамзина. Здесь кратко остановлюсь на логике суждений Акунина о том, как должно быть устроено наше государство. Ссылки на цитируемые в этой главе источники читатель сможет найти в моей книге «Феномен ДБ», опубликованной на ЛитРес.

Вот небольшой отрывок из интервью Бориса Акунина французскому RFI в январе 2012 года:

«Теперь гражданское общество уже проснулось, оно обратнo уже не уснёт. Процесс этот будет постепенным, долгим. Президентские выборы и президентская кампания, через которые нам сейчас предстоит пройти, это не конец, это этап на пути становления гражданского общества и, собственно говоря, лишь ещё больше ускорят процесс его формирования. <...> Владимир Путин ещё не созрел для серьезного разговора, он до сих пор витает в мире иллюзий».

Кого собирается защищать «гражданское общество», это-

го я не в состоянии понять. Возможно, собирается защищать граждан от государства, организуя массовые протесты по любому поводу?

Однако снова об иллюзиях Акунина:

«Всё это произойдет в течение 2012 года. Общее протестное движение начнёт делиться по интересам и взглядам. Образуется мощная партия или блок партий и движений центра – такая "партия среднего класса", которая выступает за демократию. Будет обязательно левое крыло, причем не то, которое сейчас представляет парламентская КПРФ, а будут новые левые. Там будут социалисты, будут коммунисты. И, конечно же, образуется правое крыло, где будут националисты. То есть, восстановится такая нормальная, естественная геометрия политической жизни».

Про геометрию не берусь судить – у каждого человека своё представление о политике. Даже деление по интересам не вызывает ни малейших возражений – автомобилисты, пешеходы... Но в чём же состоял интерес самого Акунина?

«Эта система плоха тем, что она изживает из своей среды всех эффективных и талантливых людей, там остаются одни посредственности, которые ничего, даже никакую пакость не могут как следует планировать. Вы посмотрите: всё, что они сейчас делают, оборачивается против них самих».

Последнее утверждение оставлю на совести Акунина. Меня же больше волнует проблема «изживания» талантливых людей. Если взять за основу близкую мне тему литературы,

то Быкову, Улицкой, да и полузабытому ныне Иличевскому вряд ли пристало жаловаться на судьбу. Даже Акунин до недавнего времени мог быть вполне доволен, хотя занимается не творчеством, а ремеслом, согласно его собственному признанию. Стараниями своих соратников эти литераторы обласканы премиями, регулярно излагали свои мысли в СМИ, получали приличные доходы за книги, изданные в России или за границей. Чего ещё им не хватало? Надо бы в ножки поклониться власти, а тут, куда ни посмотри, сплошные обвинения!

Но вот выясняется, что ещё не всё потеряно. Об этом Акунин рассказал в интервью Собчак и Соколовой в ноябре 2012 года на «Снобе»:

«За последние двадцать лет Россия изменилась невероятным образом в социальном смысле. Образовалось сословие, которого здесь никогда не было, средний класс. Этот средний класс в больших городах стал многочисленным, а в Москве, вероятно, составляет уже большинство населения. Для среднего класса естественная форма государственного устройства – это демократия. Просто потому, что она лучше защищает его интересы».

Вроде бы вполне логично – средний класс борется за то, что его устраивает. Проблема в том, способна ли демократия защитить интересы тех людей, которые не относятся ни к высшему, ни к среднему классу. Однако Акунин продолжает гутарить о своём:

«Понятно, почему демократия не получилась двадцать лет назад <...>. Потому что тогда не было среднего класса. У демократии не было базы в стране, которая только что испытала мощный стресс. Большинство людей было озабочено проблемами выживания. Сейчас средний класс проблему выживания решил».

Здесь ключевые слова – «средний класс проблему выживания решил». То есть вроде бы можно наплевать на тех, кто не дотягивает до среднего класса. Пора насильственно внедрять демократические принципы, невзирая на то, что многие люди еле выживает, и не задумываясь о том, выживут ли они при демократии. Можно наплевать на то, что людям эти принципы неинтересны, непонятны, не нужны.

Спорит с Акуниным и Владимир Искин, шеф-редактор немецкого издания EXRUS.eu:

«Смотрел и слушал сегодня собеседование этих очень образованных людей <...> и почти в голос подсказывал телевизору, как надо бы Акунину ответить на каверзную и весьма распространенную ловушку, озвученную Ксенией: "Ведь при Путине люди стали жить лучше – значит, всё делается правильно?" Да, на этот демагогический прием попадают очень многие полемисты в современном медиaprостранстве. <...> Поплыл в этом месте и даже такой интеллектуальный гигант, как Борис Акунин. Началось неубедительно-расплывчатое про свободу, про ощущение рабства и т.д. и т.п.»

Увы, среди противников «ненавистного режима» не хва-

тает ярких полемистов, которые могли бы на равных спорить со своими оппонентами. На мой взгляд, так просто жуткий дефицит! Тут впору предположить наличие тараканов в головах некоторых защитников прав «униженных и оскорблённых».

Ну а теперь вернёмся снова к литературе, к тому, о чём шла речь в предыдущей главе. Вот обратил внимание на то, что есть нечто общее в романах Быкова и Акунина. Скажем, в «Азазели» герой не раз попадает в ситуации, из которых не находит выхода. Да потому что его нет. И вдруг – о, случай! – на помощь приходит человек, неведомо как оказавшийся здесь, неведомо как узнавший, что есть надобность в его участии, в общем, спаситель в полном смысле слова. Чуть не сказал, что Бог... По сути, это фантастический сюжет, закамуфлированный под реальность. У Быкова в «Эвакуаторе» всё то же самое, но только он не чурается фантастики. Для него фантастика – это то самое, размазанное по пространству книги божество, на которое надеются, поскольку иных шансов не находят. Тот же Фандорин у Акунина мог бы гибельную ситуацию предусмотреть, если бы хватило для этого ума. И даже Быков, прежде чем «эвакуировать» с Земли своих героев, мог бы попытаться найти более реалистичный выход. Но то ли не в состоянии найти, то ли в подобных поисках не видит никакого смысла.

Насколько я могу судить, наша «героиня» весьма благожелательно относится к Акунину, поэтому и пришлось уделить

внимание этому «интеллектуальному гиганту». Но Дмитрий Быков тут с какого боку?

Надеюсь, никто не станет отрицать, что Быков – прекрасный рассказчик, в меру эрудирован, весьма начитан. Я бы ещё добавил – сказочник, такого хорошо послушать на сон грядущий, особенно если бессонница замучила. Вот и наша «героиня» придерживается почти такого же мнения – недавно в своём телеграм-канале стала рекламировать его аудиокниги, и делает это наверняка бесплатно. Впрочем, и на ЛитРес можно совсем недорого купить – всего по 249 рублей за штуку. Там 745 книг, и аудио, и электронных – Быков переплюнул даже Дарью Донцову, у которой «всего-навсего» 536 произведений. Но в этом нет ничего удивительного – я ещё восемь лет назад в книге «Феномен ДБ» написал, что Быков – чрезвычайно плодовитый автор. Но вот вопрос: насколько то, о чём он пишет (романы не в счёт) и рассказывает на радость своим преданным поклонникам, соответствует реальности? Попытаемся в этом разобраться.

В 2009 году Быкову вручили премию имени Булгакова. Вот как новоявленный лауреат ответил на вопрос журналиста о том, каково его отношение к творчеству этого писателя Михаила Афанасьевича:

«В высшей степени уважительное. Не могу сказать, что перечитываю Булгакова постоянно, но "Мастер и Маргарита" – один из великих романов XX века. Хотя моя трактовка этой книги не вполне совпадает с общепринятой, она бли-

же к версии А. Зеркалова (Мирера) и восходит к его книгам "Евангелие Михаила Булгакова" и "Этика Михаила Булгакова". Я считаю, что роман всё-таки антиволандовский, антисталинский и в какой-то мере антимастерский. Я люблю "Белую гвардию", спокойно отношусь к "Собачьему сердцу" и "Театральному роману", а вот пьесы Булгакова мне нравятся чрезвычайно, да и сама его личность очень симпатична».

Запомним это выражение – «один из великих романов». Кстати, про Льва Толстого ничего такого Быков не сказал, даже уличил графа в графомании. А теперь вернёмся на несколько лет назад, когда на страницах журнала «Огонёк» Дмитрий Львович высказывался о романе Булгакова куда более откровенно:

«Я не люблю эту книгу, хотя высоко ценю её. <...> Дело, конечно, не в религиозной или этической сомнительности этой увлекательной книжки, а в некоторой её, как бы сказать, масскультовости. Эдуард Лимонов, человек с чутким врожденным вкусом, в своей недавней книге "Священные чудовища" прямо отмечает некоторую пошловатость "Мастера", его потакание обывателю. Когда в одной книге сводятся Христос и коммунальные кальсоны, всегда есть шанс, что метафизическая, высокая проблематика перетянет коммунальную в иной регистр, но чаще случается наоборот: кальсоны компрометируют тему Христа, утаскивают её в быт, в социальную сатиру, в анекдот».

Ну, эта тема на любителя. Кое-кто привык ходить в каль-

сонах круглый год, даже в летнюю жару, другие предпочитают всё-таки трусы, вне зависимости от климата и состояния здоровья. Вполне допускаю, что можно расхваливать достоинства кальсон, при этом категорически их отвергая. И всё же довольно странная логика, особенно когда она используется для анализа столь популярного романа. Но дальше – больше. Быков, напрочь забыв о ершалаимских главах, сравнивает роман Булгакова с сатирой Ильфа и Петрова:

«Место этой книги в одном ряду с двумя другими бесспорными шедеврами, а именно с дилогией об О. Бендере. Этот обаятельный злодей гораздо ближе к Воланду, чем реальный Сатана: проделки Воланда в Москве – именно бендеровские, мелкие, и аналогии тут самые прямые. Свита Бендера – Балаганов, Паниковский и Козлевич – весьма точно накладывается на свиту Воланда: Азazelло, Бегемот и Коровьев».

Здесь Быков отдаёт должное фантазии автора сатирического опуса «Мастер Гамбс и Маргарита», который ему больше по душе, чем роман Булгакова, хотя, возможно, уступает «шедеврам» Ильфа и Петрова. Но это дело вкуса и иных пристрастий. Если же вновь обратиться к теме коммунальных кальсон, тогда, конечно, Воланд ближе к Бендеру, чем к Сталину, ну а Коровьев – к безобидному водителю четырёхколёсной «Антилопы Гну».

Пожалуй, приведу ещё один отрывок из статьи Быкова в том же «Огоньке»:

«Что ни говори, а есть, есть пошлость в этом превосходном, кто бы спорил, романе. Она, разумеется, не в черноватом булгаковском юморе и даже не в откровенно фарсовых сценах вроде раздевания в варьете. Тут всё как раз отлично. Пошлость – в некоей генеральной интенции: в допущении самой мысли о том, что некто великий и могучий, творящий зло, доброжелательно следит за нами и намеревается сделать нам добро. <...> Что интересно, в жизни Булгаков этот соблазн преодолел. А в литературе – нет. Есть в его романе хрестоматийная, но неполная фраза: "Никогда ничего не просите у тех, кто сильнее вас. Сами придут и всё дадут"».

Складывается впечатление, что Быков не в силах смириться с популярностью автора «закатного романа». Это как навязчивый кошмар: вот среди ночи просыпаешься от мысли, что все литературные премии у тебя разом отобрали и присудили их Булгакову. Правда, посмертно, но это дела не меняет, поскольку всё равно – кошмар! Поэтому и приходится выдумывать то «пошлость генеральной интенции», то унижающие авторитет Га-Ноцри «коммунальные кальсоны». К интенции мы ещё вернёмся, а говорить о смелости Булгакова в его взаимоотношениях со Сталиным вообще смешно, когда бы не было так грустно: в 30-е годы Булгаков только и занимался тем, что выпрашивал себе снисхождение у властей – написал не меньше пяти писем Сталину и в советское правительство.

Однако снова дадим слово Быкову:

«"Судьба барабанщика" <...> Я рассматриваю её в одном ряду с "Мастером и Маргаритой", конечно. Потому что это вещи о страшной сталинской Москве и о посещающей её нечистой силе. Вот этот дядя, этот Воланд со свитой и страшные персонажи, которые за ним, это вторжение inferнального чего-то».

Как видим, здесь уже нет речи о связи образов Бендера и Воланда, забыты и прочие выдумки мадам Каганской, автора упомянутого опуса про Гамбса. Быков находит новый повод принизить достоинства «Мастера и Маргариты». А как ещё можно расценить эту попытку сравнения великого романа с добротной повестью Аркадия Гайдара, написанной для подростков?

Увы, тут ничего уже не сделаешь – Булгаков со своим романом словно намертво пристёгнут к Быкову, никак не отцепить. Поэтому всё, что остаётся, это временами сделать вид, будто имеешь дело с каким-то незначительным предметом.

Однако простим Быкову его, мягко говоря, странные сравнения и обратимся к другим его открытиям на пути постижения сущности Булгакова. По счастью, мне хватило усидчивости и усердия, чтобы расшифровать текст лекции на тему «Булгаков. Воланд вчера, сегодня и завтра», датированной мартом 2013 года:

«Сегодня нам предстоит говорить о романе, который мне не нравится совсем, величие которого я, безусловно, признаю и более того, я не без удовольствия перечитываю».

Тут то ли мазохизм, то ли некая оговорочка по Фрейдю. Как можно перечитывать то, что тебе не нравится? Куда логичнее было бы сказать, мол, мне совсем не нравится величие этого романа. По крайней мере, честно, простенько, даже с некоторым вкусом. Но в следующей фразе красноречивый лектор высказывается более откровенно:

«Моё неприятие этой книги держится ещё и на неприятии того культа, который вокруг неё возник».

Вот это сказано честно, отдаю должное искренности Быкова. После этой фразы всё словно бы встало на свои места. И впрямь, кому же понравится культ вокруг «закатного романа» в то время, как «Икс» почти не удостоился внимания? Ведь о Булгакове, о «Мастере и Маргарите» написаны десятки книг, а Быков и его «ЖД», увы... Если не считать статьи «Благие намерения: Дмитрий Быков Орфография» в книге Андрея Немзера «Дневник читателя: русская литература в 2003 г.», которую никак не назовёшь комплиментарной. И как всё это понимать?

Насколько я могу судить, Быков причину популярности «закатного романа» усматривает в обилии на его страницах пошлости, которую с удовольствием потребляет пошловатый наш народ:

«Он породил огромное количество пошлости, которое как в предельно концентрированном виде отражает всю сложность, которая там содержится».

По поводу отражения сложности ничего не понял. К то-

му же толком не расслышал, то ли «которое отражает», то ли «которая»... Я вообще плохо представляю, как пошлость может что-то отражать – это всё-таки не зеркало и не рано облысевшая голова озлобленного критика. По счастью, Быкову облысение пока что не грозит.

Однако прошу прощения, что отвлёкся на пустяки, в то время как Быков обсуждает такую важную тему, как «трагедия романа»:

«Но главная трагедия этого романа была, разумеется, в том, что демонология Булгакова стала почти что евангелием для средней интеллигенции 60-70-х годов».

Не смею присваивать себе звание интеллигента и всё же не пойму, на чём основаны такие выводы. Может быть, я использовал журнальный вариант романа в качестве иконы? Но даже если так, что тут трагического?

Далее Быков в своей лекции напоминает слушателям о стенах на лестнице в доме на Большой Садовой, покрытых памятными записями почитателей Булгакова, затем о ежегодных сборищах молодёжи в Вальпургиеву ночь на Воробьёвых горах, что уж совсем не укладывается в представление Быкова о популярности. Могу предположить, что лестница в его доме тоже использовалась за недостатком листа бумаги под рукой, но только уж писали на ней совсем не то, что он желал бы видеть, не исключая и слово из трёх букв. Отсюда и столь пессимистические нотки, которые появились в этой лекции:

«Достаточно скоро разочарование в "Мастере" как в книге, как в учебнике жизни станет очень массовым. Мы начнём примерно понимать, что эта книга значит и для чего она написана. <...> Я думаю, что этот процесс, который растянется, ну, на ближайшие два-три года, точно так же как разочарование в другом русском мифе, именно в мифе о вертикале власти. Думаю, что эти вещи, как ни печально, совпадут. Но ничего не поделаешь. Ради такого дела я даже готов пожертвовать даже "Мастером и Маргаритой"».

Ну вот и дождались! Дважды использованное слово «даже» ничуть не оправдывает Быкова: «закатный роман» всё равно намерен принести в жертву. Нет бы своего «барашка» предложить! Так нет, Быков предпочёл для «благородного» дела использовать роман Булгакова, ну а свои опусы прибегать на тот случай, если «Мастер и Маргарита» так и не стогрит.

И вот, наконец, Быков доходит до главного обвинения в адрес автора романа:

«"Мастер и Маргарита" – хороший советский роман. Он должен был появиться в печати. И появился в печати сначала без "Бала сатаны", потом в 1973 году с "Балом сатаны" спокойно это прошло все виды цензуры. Потому что зерно, сущность этого романа идеально соответствует советской власти».

Вот ведь, оказывается, как! Странно, что роман опубликовали только в 1966 году. Если он такой «советский», про-

шёл бы на ура и в 1945-м!

Теперь напомним, что писал Быков о «закатном» романе за несколько лет до этого, в книге о Борисе Пастернаке:

«"Мастер и Маргарита" в некоторых своих частностях есть предельное выражение подлинной идеологии сталинизма; не советского, разумеется, не того, который с флагами и лозунгами о пятилетке в четыре года, а настоящего, подземного, оккультного, верховный жрец которого не разговаривал сам с собой на языке советской пропаганды. Именно в образе всемогущего темного мага Сталин и предпочитал являться потрясенной интеллигенции».

Видимо, многочисленные Эго между собой не договорились: одно твердит – «советский», а другое ему чуть ли не с пеной у рта возражает – «сталинский». Да после разоблачения культа личности такой роман вообще не должны были публиковать. Эй, договоритесь же, наконец, между собой! Но это ещё не всё – есть и третья Эго, имеющее собственное мнение на этот счёт.

В книге Дмитрия Львовича о Булате Окуджаве есть такие строки, посвящённые советской литературе 70-х годов:

«Советская литература не то чтобы лгала тотально, но в воздухе каждого разрешенного советского текста, во внутреннем пространстве даже самой правдивой книги вроде "Жизни и судьбы" Гроссмана присутствовала толика формалина. Она могла быть минимальной, почти неразличимой – но была, как в каждом советском человеке, родившемся и

выросшем тут, сидела неискоренимая, непобедимая никакой эмиграцией советчина. Вот почему таким шоком для читателя шестидесятых стал булгаковский "Мастер", написанный без этой оглядки».

С этой «оглядкой» Быков то ли перемудрил, то ли недоглядел, но, если слегка напрячь извилины, нетрудно догадаться, что он имел в виду. Тут уж определения «советский», «сталинский» будут явно ни к селу, ни к городу. Жаль только, что автор не наклеил на роман очередной ярлык – без этого как-то неуютно, непривычно. Но есть надежда, что в следующей своей книге он исправится.

Однако вернёмся к лекции о Булгакове и к отношению советской власти к творчеству писателя. Что-то партийные деятели тогда не доглядели – «белогвардейскую» пьесу «Дни Турбиных» к постановке разрешили, несмотря на возражения трудящихся, но почему-то не захотели опубликовать идеологически выдержанный роман. Ну как можно запрещать книгу, которая являлась «краеугольным камнем в том здании тотального оправдания зла, которое выстраивала советская литература» – это если верить Быкову? Впрочем, по поводу колоссального успеха пьесы о Турбиных Дмитрий Львович имеет своё собственное мнение:

«Пьеса эта была доступна немногим счастливым, она была разрешена в единственном числе, известность её была очень клановой и элитарной, большинство о ней попросту не знало».

Восемьсот представлений на сцене Художественного театра ещё при жизни Михаила Булгакова, множество критических статей в газетах, постановление рабкоров Хамовнического района по поводу «вылазки классового врага» – и после этого Быков смеет утверждать, что известность пьесы была клановой! Это что же так застило ему глаза? Тут, в сущности, нечего гадать – это ни что иное, как элементарнейшая зависть. Даже потрёпанное идеологическое покрывало, с помощью которого Быков пытается скрыть достоинства «закатного романа», не может спрятать истинной причины.

Ещё одно объяснение выпадам против Булгакова находим в попытке Дмитрия Львовича провозгласить себя первооткрывателем:

«Вот этим открытием я, пожалуй, горжусь. Слово "мастер" не появлялось в прозе и драматургии Булгакова нигде и никогда (!) до романа "Мастер и Маргарита". Появилось оно, правда, единственный раз в "Театральном романе". <... > Слово "мастер" появилось в черновиках романа после 34-го года, после того как стало известно, что главным положительным термином, главной восторженной оценкой в устах Сталина является именно "мастер"».

Ну что ж, попробуем проанализировать эти аргументы – а вдруг найдётся в них рациональное зерно? Однако сначала обратим внимание на характерную оговорку: сначала Быков говорит «нигде и никогда», и тут же признаётся, что не так,

что было всё-таки когда-то. Но было, как указывает Быков, единственный раз в одном романе.

На самом деле, слово «мастер» упоминается много раз до «Мастера и Маргариты», и не только в «Театральном романе», где оно встречается в таком контексте: «жена мастера». Если кто-то сомневается в моих словах, могу порекомендовать роман Булгакова «Жизнь господина де Мольера», написанный им по заказу «Жургаза» (Журнально-газетного издательства) в 1932-33 годах. Для полноты картины приведу несколько цитат:

– Эй, кто тут есть? – брюзгливо спросил он. – Почему чёрт всегда уносит... Ах, это вы? Здравствуйте, Барон.

– Здравствуйте, мастер, – ответил Барон, глядя вверх.

А вот ещё:

– Как публика принимала спектакль? – ответил Мольер.

– Великолепно. Но у вас скверный вид, мастер?

И в дополнение к этому:

– Мастер, не хотите ли вы чего-нибудь? Быть может, вам дать бульону?

Тут Мольер оскалился и сказал, почему-то злобно улыбаясь:

– Бульон? О нет! Я знаю, из чего варит моя супруга бульон, он для меня крепче кислоты.

И вот уже трагический финал:

– Чего вам дать, мастер? – спросил Барон и вытер платком лоб Мольера.

– Свету! – ответил Мольер. – И сыру пармезану.

Чего не хватило Быкову, чтобы в этой простенькой задачке разобраться? Допустим, что «Мольера» Быков вовсе не читал, не велика беда – на мой взгляд, слабенькая книга. Но он просто обязан был прочитать те редакции «закатного» романа, которые датированы осенью 1934 года. Тогда бы не озвучил свой нелепый приговор:

«Чтобы доказать Сталину, что художника надо беречь, Булгаков переименовал своего художника в мастера».

Такое впечатление, что Быков так и не осилил до конца роман или так ненавидит его, что читает книгу, держа её, что называется, вверх ногами. Ведь не было в романе художника, а был поэт, возлюбленный несравненной Маргариты – это не считая Бездомного и прочих стихоплётов. Читаем отрывок из главы романа в третьей редакции, датированной осенью 1934 года:

«Маргарита опустилась у ног Воланда на колени, а он вынул из-под подушки два кольца и одно из них надел на палец Маргарите. Та притянула за руку поэта к себе и второе кольцо надела на палец безмолвному поэту».

Так и не обнаружив художника в черновиках романа, попробую выяснить, откуда взялся этот мастер. Не знаю, так ли актёры мольеровского театра величали своего мэтра, но в СССР это слово впервые весомо и уважительно прозвучало в статье Максима Горького «С кем вы, мастера культуры? Ответ американским корреспондентам» – она была на-

печатана одновременно в газетах "Правда" и "Известия ЦИК СССР и ВЦИК" 22 марта 1932 года. Так что товарищ Сталин тут совершенно ни при чём, он вообще не был специалистом по выдумыванию таких определений. Здесь явно чувствуется рука писателя.

Итак, грандиозное открытие, увы, не состоялось – рискну предположить, что тараканы завелись и в голове этого «первооткрывателя». А в заключение разбора лекции Быкова о Михаиле Афанасьевиче Булгакове – ещё несколько отдельных фраз, тут можно обойтись без комментариев:

«Мастерство вообще враждебно искусству, потому что мастерство оформляет его».

«Это самая популярная книга Булгакова именно потому, что это самая слабая книга».

«В этой книге написано больше ерунды, чем в любом другом русском романе».

«Ничего, кроме пошлости, в этом романе нет, хотя есть <...> высочайшие образцы литературного стиля, который парит над этим морем терроризируемой России».

«Весь вой, весь вопль Булгакова в этом романе: ты только вот нас не трогай, а уж мы тебя полюбим»...

Поводя итог тому, что сказано в этой главе, выскажу опасение, что в самое ближайшее время литературу вытеснит вульгарное чтиво. Останутся только Донцова, Пелевин и немного Акунина с его Фандориным.

Прошу правильно меня понять, я выражаю своё личное,

субъективное мнение. Если кому-то нравятся книги Донцовой, Акунина и Быкова, это само по себе не значит, что мир катится в тартарары. Однако писателей уровня Достоевского, Чехова, Олеси, Булгакова, того же Трифонова за последние тридцать лет так и не появилось. Вполне логично возникает вопрос: куда они пропали? Причина в том, что спрос рождает предложение. Наше телевидение и прочие СМИ воспитали таких потребителей искусства, которым по душе незатейливое чтение либо то, что провозглашено последним криком моды. И самое прискорбное, что это вполне устраивает власть.

Глава 4. Страсти по культуре

Если кто-то из читателей сумел осилить мою книгу «Превратности культуры», размещённую на сайте ЛитРес, он может пропустить первую треть этой главы, где изложены суждения известных писателей и философов. Итак, вашему вниманию предложен анализ состояния нынешней культуры и прогноз, к чему всё это катится.

В сознании многих людей американский рок переплетается с экономическим могуществом этой страны. Вот и Збигнев Бжезинский в книге «Великая шахматная доска» вольно или невольно отождествлял экономическое превосходство США с воображаемым культурным превосходством:

«Культурное превосходство является недооценённым аспектом американской глобальной мощи. Что бы ни думали некоторые о своих эстетических ценностях, американская массовая культура излучает магнитное притяжение, особенно для молодежи во всём мире. Её привлекательность, вероятно, берёт своё начало в жизнелюбивом качестве жизни, которое она проповедует, но её притягательность во всём мире неоспорима».

Не стану спорить: американский джаз, популярные шлягеры в исполнении Фрэнка Синатры, Эллы Фицджеральд, Луи Армстронга и других замечательных певцов надолго останутся в памяти многих поколений. За интернет и джин-

сы – отдельное спасибо! Однако культурное превосходство и притягательность культуры вовсе не тождественны – одного человека привлекают картины Модильяни, Ренуара, а другому по нраву порнография.

Что же происходит с культурой? И когда всё это началось? Подробный ответ вы можете найти в книге «Превратности культуры», а здесь ограничусь тем, что перекликается с высказываниями Анны.

Вот что написал Фридрих Ницше в книге «Человеческое, слишком человеческое»:

«Всегда должны будут существовать плохие писатели, ибо они соответствуют вкусу людей неразвитого, незрелого возраста; последние тоже имеют свои потребности, как и зрелые люди. Если бы человеческая жизнь продолжалась дольше, то число зрелых личностей преобладало бы над числом незрелых или по меньшей мере равнялось бы ему; теперь же значительное большинство умирают слишком молодыми, т.е. всегда существует гораздо больше неразвитых интеллектов с плохим вкусом. И они, кроме того, жаждут удовлетворения своих потребностей с большей страстностью, присущей юности, – и добиваются для себя плохих авторов».

К счастью, со времени написания цитируемой книги продолжительность жизни увеличилась, однако это дела не меняет – публика по-прежнему предпочитает авторов, соответствующих интеллекту не вполне «созревшего» большинства, и пока не наступит желанная пора созревания, ситуация в

корне не изменится.

Так неужели перспективы столь безрадостны? Ведь для созревания потребуются не годы, а десятилетия! Тут возникает замкнутый круг: незрелая публика возводит на пьедестал плохих авторов, а те в свою очередь способствуют падению интеллектуальных способностей читателя до уровня подростка. Чтобы разорвать этот порочный круг, не обойтись, как ни странно это прозвучит, без вмешательства государства или хотя бы лиц, причастных к деятельности органов публичной власти.

В прежние времена нельзя было добиться признания у публики, не подыскав себе влиятельного покровителя. К примеру, Борис Пильняк сподобился завести знакомство с Луначарским, а Юрия Германа надоумили обратиться к Горькому, и случилось так, что молодой журналист чем-то приглянулся пролетарскому писателю. Впрочем, теперь каждый человек, имеющий под рукой компьютер, подключенный к интернету, мнит себя писателем, так что облечённых властью благодетелей на всех, увы, не хватит. Даже если чиновники Минкульта в качестве дополнительной нагрузки станут рецензировать книги непризнанных писателей, это делу не поможет. Тут прежде всего нужно отделить мух от котлет. Не хотелось бы сравнивать книгу с прожаренной котлетой, хотя иной раз так оно и есть, но сиюминутная прибыль и литература – понятия несовместимые. Задачей литературы является повышение интеллектуального и нравственного

уровня читателей, что, конечно же, не исключает получения удовольствия в процессе чтения, но, если государство или богатые спонсоры не возьмут издание книг в свои руки, последствия будут самые плачевные. Важно, чтобы издательства имели возможность не заботиться о прибыли, типографии печатали дешёвые книги, возможно, в мягкой обложке, а магазины не «накручивали» цену.

Тут вот что странно: во времена всемогущего РАПП или Главлита вышло в свет немало произведений, авторы которых принесли славу отечественной литературе: Юрий Олеша, Андрей Платонов, Михаил Булгаков, Юрий Трифонов, Валентин Распутин, Виктор Астафьев... А кого из нынешних можно поставить в этот ряд? А ведь цензура вроде бы отсутствует. «Вроде бы» – это потому, что каждый владелец издательства имеет право «не пущать», если идейная направленность произведения не соответствует его политическим взглядам. Вот и получается, что вместо одного Главлита мы имеем несколько десятков. Казалось бы, можно надеяться на некоторое разнообразие издаваемой литературы, но если во главу угла поставлена прибыль, результат предельно ясен – по сути, все издательства потчуют читателя «фастфудом» и даже если предлагают «лососину», она оказывается «не первой свежести».

Пока ещё сохраняется надежда на перемены к лучшему, ещё можно кое-что спасти, хотя претензии к качеству литературных произведений высказывались с тех пор, как кни-

гоиздание было поставлено на поток. В 1892 году немецкий писатель Макс Нордау опубликовал книгу под названием «Вырождение» – в ней речь идёт о кризисе культуры на рубеже двух веков. Конечно, время было другое, да и представления Нордау об устройстве мира существенно отличались от того, что стало вполне привычным для большинства из нас, но в его книге есть немало мыслей, наблюдений, которые актуальны и в нынешние времена:

«Вчера они ещё были реалистами или порнографами, сегодня они уже – символисты или декаденты. Они так же легко пишут религиозные сказания, как и исторические романы, приключения, трагедии или деревенские рассказы, смотря по тому, на что есть требование со стороны критики и публики. Эти господа, составляющие, как я уже неоднократно указывал, громадное большинство представителей умственного труда, следовательно, и членов разных модных кружков и кучек, конечно, совершенно здоровы, хотя они и стоят на очень низкой ступени развития».

Желание любым способом привлечь к себе внимание публики заставило многих порвать с традиционными направлениями в искусстве, но и это ещё не всё. Главная причина состоит в отсутствии таланта, в неспособности создать нечто достойное внимание просвещённой публики – владение ремеслом не даёт права считать себя художником в высоком смысле этого слова. Впрочем, прав Нордау – истеричная толпа готова возвести на пьедестал любого бездаря, который по-

нравится по каким-то неизвестным нам причинам.

Какую же участь Нордау напрозорчил литературе?

«Что же касается до будущего развития литературы и искусства, которым главным образом посвящено это исследование, то оно нам рисуется довольно ясно. Я воздержусь от искушения наметить слишком отдаленный период времени. В таком случае мне, может быть, удалось бы доказать или, по крайней мере, обосновать предположение, что в умственной жизни отдалённых веков искусство и поэзия займут очень скромное место».

Почему-то Нордау отделил литературу от искусства и принизил влияние поэзии на нашу жизнь, но философ оказался прав, по крайней мере в том, что касается литературы. Впрочем, если отнести к понятию «литература» ту белиберду, которой заполнены полки книжных магазинов, тогда возникает повод для сомнений. Словно бы предвидя мой вопрос, Нордау всё толково разъясняет:

«Фанатическим последователям психопатически модных течений в искусстве и литературе, которые, не будучи сами психически больны, тем не менее близки к сумасшествию, точно так же было бы бесполезно доказывать, что они увлекаются ерундой. Они этому не поверят».

Так оно и было – не поверили. А всё потому, что с модой не справится никто – модное течение унесёт, затащит в водоворот, и прости-прощай, философ. Но вот прошло сорок лет и о том же пишет Йохан Хейзинга:

«Существует сходным образом интеллектуальное пере-производство, постоянно растущий поток напечатанных либо выброшенных в эфир слов и прямо–таки безнадёжная дивергенция мысли. Вокруг художественной продукции образовался порочный круг, внутри которого художник зависит от рекламы, то есть от моды, а та и другая зависят от коммерческой выгоды».

Сразу уточню, что, используя словосочетание «интеллектуальное перепроизводство», Хейзинга имел виду только всем известный факт, будто мысли возникают в голове. А уж умные или глупые мысли – это так и остаётся неизвестным, пока не дочитаешь книгу. Важнее то, что в своём предвидении перспектив развития искусства Хейзинга пошёл гораздо дальше Нордау, и тому есть объективная причина. Дело в том, что в конце XIX века кинематограф делал только первые шаги, но уже в тридцатые годы прошлого столетия можно было догадаться, к чему всё это приведёт:

«Сама драматургия почти целиком переносится во внешнюю зрелищность, а произносимое слово играет всего лишь вспомогательную роль. Искусство созерцания сведено теперь к умению быстро схватывать и понимать непрерывно меняющиеся визуальные образы. Молодёжь приобрела такой необыкновенный синематографический взгляд, прямо-таки поражающий старшее поколение».

Сейчас это «умение схватывать» доведено у части публики до совершенства, и, чтобы не лишиться прибыли, продю-

серы, театральные и кинорежиссёры вынуждены учитывать изменившиеся вкусы. Вот только к искусству это не имеет никакого отношения.

Но в чём причины кризиса литературы, первые признаки которого были обнаружены ещё в конце XIX века? На этот вопрос попытался ответить Дмитрий Мережковский в статье «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», опубликованной в 1893 году:

«Мы видим повсюду и во все века – в современном Париже, как во Флоренции XV века и в Афинах Перикла, и в Веймарском кружке Гёте, и в Англии в Эпоху Елизаветы, – мы видим, что нужна известная атмосфера, для того чтобы глубочайшие стороны гения могли вполне проявиться. Между писателями с различными, иногда противоположными темпераментами устанавливаются, как между противоположными полюсами, особые умственные течения, особый воздух, насыщенный творческими веяниями, и только в этой грозовой, благодатной атмосфере гения вспыхивает та внезапная искра, та всеозаряющая молния народного сознания, которой люди ждут и не могут иногда дожидаться в продолжение целых веков».

Для начала внесём ясность в понятие «гений». Тут нам поможет психиатр Михаил Катунин:

«Не гений создаёт своё произведение, а потребители создают гения, как такового, другими словами: произведение создаёт гения, а не наоборот. То же самое произведение се-

годня не будет иметь в себе ничего гениального, а завтра община сделает творца его гением».

Так что благоприятная атмосфера для творчества нужна, но гениальность не имеет к этому никакого отношения.

В итоге с неизбежностью приходим к выводу, что отсутствие атмосферы, которая способствует созданию литературных произведений, – это следствие кризиса культуры, а не причина. Что же касается основной причины, то Мережковский сформулировал её так:

«Есть два средства овладеть вниманием толпы: во-первых, написать истинно гениальное произведение. Но на это способны один или двое в целом поколении, да и те работают почти всегда бескорыстно. Другое, столь же верное и более лёгкое: угождать низшим потребностям толпы. И чем ниже потребности, удовлетворяемые книгой, тем обширнее круг читателей, тем быстрее почти волшебное обогащение людей, продавших толпе даже самый крошечный талант... Никогда ещё русская литература, открытая всем ветрам, преданная всем вторжениям, затоптанная даже не демократической, а просто уличной толпою, не была так беззащитна перед грубым насилием нового, с каждым днём возрастающего денежного варварства, перед властью капитала».

Всё именно так, а в результате имеем ситуацию, которая описана в моём романе «Советник президента».

Представьте, что президент России, пусть это будет некто Платов, с помощью машины времени переместился в 30-е

годы прошлого столетия, чтобы встретиться с Булгаковым. И вот за чашкой чая они ведут неспешный разговор.

«Булгаков всё собирался задать один вопрос, но вот, наконец, решился:

– Я хотел спросить, но никак не удавалось... Есть ли в вашей России писатели уровня Гоголя, Достоевского, Чехова, Толстого?

Платов задумался.

– Вы знаете, много их было и в Ленинграде, и в Москве, даже в Сибири талантливые литераторы появлялись. Но почему-то всё ограничилось примерно двадцатью годами, ещё в то время, когда существовал СССР. Ну а теперь... – Платов тяжело вздохнул. – Честно говоря, не знаю, что сказать. В наше время особенно популярно незатейливое чтение. К примеру, дамские романы, детективы и фантастика. Вот и моя жена когда-то увлекалась, пока не разошлись.

– Ну а сами что-нибудь читаете?

– Ох, знали бы вы, сколько мне приходится читать! – рассмеялся Платов. – Докладные записки, сводки, сообщения, обзоры... Но если говорить о художественной литературе, то перечитываю классику.

– А современные писатели... Неужели таланты среди них перевелись?

– Тут дело вкуса...

– Однако вкус можно воспитать, причём и хороший, и дурной.

– И кто же способен воспитать у нашей молодёжи хороший вкус?

– Издатели, литературные критики...

– Это вряд ли, – усмехнулся Платов. – Видите ли, Михаил, у нас в стране рыночная экономика. Поэтому печатают то, что находит спрос. Ну а критики... Критики не критикуют, а только хвалят. Это и понятно, поскольку они живут на то, что платят им издатели.

– Не могу поверить, что до этого дошло.

– Увы, так и есть, причём не только здесь, в России, но и за её пределами.

– И вы спокойно об этом говорите?

– Я-то в чём виноват? Предлагаете мне самому писать романы и рецензии?

– Боже упаси!»

Теперь можно обсудить, что думала о кризисе литературы и кино наша «героиня». По её мнению, у нас с жанрами вообще беда, тиражируют только фильмы о войне, о спорте, да ещё нелепые комедии. Либо предлагают жёсткий артхаус, будто бы всем плохо, всех тошнит – после такого фильма возникает намерение напиться, чтобы выкинуть эту муть из головы. Актриса полагает, что есть кое-какие исключения, но причина общего упадка нашего кино предельно очевидна: сценаристам и режиссёрам запрещено открыто говорить на многие темы и приходится прибегать к «картонно-целлюлоидной картинке».

Казалось бы, верно сказано – не обо всём можем во всеуслышание говорить. Суть дела в том, как говорить – если свести сюжет к «чернухе», к обвинению власть имущих во всех смертных грехах, кто-то будет в восторге, на пару процентов увеличится число сторонников непримиримой оппозиции, и не более того. Актрису беспокоит судьба несправедливо осуждённого журналиста, но в несметном количестве детективных сериалов говорится именно о том! Так что причина кризиса литературы и кино не в боязни затронуть скользкую тему, а в том, что в погоне за прибылью вынуждены работать по шаблону – на создание хорошего сценария либо нет времени, либо таланта не хватает. За последние двенадцать лет только Роману Прыгунову, режиссёру фильмов «Духless» и «Духless-2», удалось сделать на основе предложенного ему материала нечто достойное российского и даже зарубежного экрана.

Так пишут на запретные темы или нет? В качестве примеры упомяну два своих романа, сюжеты которых навеяны всем известными событиями – «Охота на министра» и «Западня для генерала». Как ни странно, меня ещё не посадили, даже не приглашали на Лубянку для разговора по душам. Так что запретных тем не существует – есть только опасение, что надолго отлучат от кормушки: либо Минкульт не станет финансировать фильм по злободневному сценарию, либо театр лишится поддержки московского правительства.

Актриса настаивает на своём – будто во всём некие огра-

ничения виноваты. Якобы запрещают эротику в кино. Но ведь были «Оттепель», «Чистое искусство», «О любви». Впрочем, последний из этих фильмов огорчил – на мой взгляд, всё испортили партнёры главной героини в этом фильме. Сюжет внешне очень простой, но актёрам не хватило «красок», глубины проникновения в образ.

Есть у меня претензии и к многосерийному телефильму «Оттепель», снятому в 2013 году режиссёром Валерием Тодоровским по сценарию Алёны Звонцовой и Дмитрия Константинова. Во-первых, количество серий в этом фильме можно было бы сократить с двенадцати хотя бы до десяти. Во-вторых, следовало подыскать другого актёра на роль «суперзвезды», поскольку тот, что приглянулся режиссёру, даже отдалённо не напоминает таких кумиров прежних лет, как Николай Крючков, Юрий Любимов и Владимир Зельдин. А уж «похабная» (не найду другого слова) пародия на фильмы о колхозной жизни способна и вовсе испортить впечатление от «Оттепели», если бы не блистательный квартет исполнителей главных ролей.

Но вот, что лучше: театр или кино? Странный вопрос – во всяком случае для зрителя, поскольку всё определяется художественной ценностью того, что тебе предложат. Но это больше относится к давно прошедшим временам, когда с ночи занимали очередь, чтобы купить билеты на «Таганку», или всеми правдами и неправдами прорывались в ЦДРИ на премьеру фильма Витторио де Сика или Бернардо Бертолуч-

чи. Впрочем, и теперь находятся те, кто не представляет себе жизнь без того, чтобы хоть раз в месяц не полюбоваться на любимого танцора, сидя где-то на галёрке, ну а прочим достаточно посмотреть на обновлённый интерьер, чтобы, покинув Большой театр в перерыве между актами, позже заявить подруге: «Восхитительно! Полный отпад!»

С кинозрителем свои проблемы – об это говорил Станислав Говорухин в одном из интервью:

«Меня уже ничто не способно удивить. Сегодня публика кинотеатров, да и читающая публика, резко изменилась. Шестьдесят процентов кинозрителей – это тинейджеры. Двадцать пять – офисная дурь, тридцатилетние яппи, чей уровень развития ещё ниже, чем у подростков. Читают теперь только то, что входит в джентльменский набор: Мураками, Коэльо, Акунин, Донцова и прочее».

Ну что поделаешь, даже в благоустроенную квартиру иногда проникают тараканы. Тут можно сослаться на мнение Фридриха Шиллера, изложенное в письме Иоганну фон Гёте:

«Я и в самом деле не могу не удивляться тому, как наши женщины посредством дилетантских методов ухитряются приобрести определённую писательскую сноровку».

Однако не хотелось бы опять судачить по поводу «достижений» отечественной литературы, поэтому обратимся к мнению актрисы. Оказывается, если театр актеру не интересен, то это странный актер.

Странные вопросы, странные актёры, но если зал театра

полон, значит, всё в порядке – каждый получил то, что ему положено. Актёр – зарплату, а зритель – массу впечатлений. Приятных или нет – это зависит от многих обстоятельств. Наша «героиня» полагает, что стать популярным можно минуты за три, если угождать вкусам невежественной публики, а вот в советское время снимали совсем другое кино – о людях! Так оно и было. К примеру, фильм «Иван Грозный» – это вовсе не иллюстрация к учебнику истории Руси XVI века. Это психологическая драма, основанная на столкновении интересных характеров, созданных талантом режиссёра, сценариста и исполнителей главных ролей. То же можно сказать и о фильме «Пётр Первый».

В прежние времена было немало таких фильмов, а всё потому, что была литература, причём литература о людях, а не о ходульных персонажах, пересказывающих из одного сценария в другой. Теперь конвейер по «отвёрточной сборке» сериалов не прекращает свою работу ни на день – кушайте, дорогие телезрители, другого всё равно уже не будет!

Глава 5. Ах, этот джаз!

Не могу удержаться от того, чтобы хотя бы одну страницу не написать о джазе, тем более что для этого есть подходящий повод. Понятно, что сочинить серьёзное эссе о джазе сможет только музыкальный критик, либо фанат, либо саксофонист, вышедший в тираж. У меня такого права нет, поэтому сошлюсь на то, что «учудил» в своих романах. Но прежде несколько слов о вокальных увлечениях актёров.

Поющий актёр – это не редкость. Любовь Орлова, Людмила Гурченко, Валерий Золотухин, Владимир Высоцкий, Юрий Визбор, хотя последние двое были признанными бардами, ну а театр и кино для них – что-то вроде необязательного приложения к своему призванию. Можно ещё добавить Шарля Азнавура... Но я был крайне удивлён, когда услышал нашу «героиню». С чего бы это? Если отец – джазовый музыкант, это ещё не повод для того, чтобы выходить на сцену и демонстрировать свои вокальные возможности. Конечно, можно петь ради собственного удовольствия, в кайф, но если уж напрягать голосовые связки, то лучше бы за деньги.

В чём же причина таких «нестандартных» увлечений? На мой взгляд, тут всё предельно просто – поп-музыка в России ниже всякой критики, нет ни впечатляющих мелодий, ни аранжировки на уровне американских образцов. Всё зычно и уныло! Недаром на эстраду выходят драматические актё-

ры, однако славы Юрия Визбора, Владимира Высоцкого и Юрия Шевчука им не снискать. К примеру, наша «героиня» и Данила Козловский исполняют известные джазовые композиции прошлых лет, но пока не в состоянии сравняться по уровню мастерства с Эллой Фитцджеральд или Фрэнком Синатрой, хотя и то, что есть, несравненно лучше того, что нам преподносят профессиональные певцы, заполонившие федеральные телеканалы.

Итак, драматические актёры увлекаются джазом, а нашим джазовым ансамблям как раз не хватает драматизма. Что имеется в виду? Всё дело в том, что я предпочитаю джаз не только потому, что восхищён мастерством Дюка Эллингтона, Оскара Питерсона, Чарли Паркера, Эрролла Гарнера и Луи Армстронга. Джаз как явление культуры возник в негритянской среде, когда эти люди находились в положении безропотных животных и могли выражать свои чувства, свою радость и боль только в музыке, пении и танцах. Спиритчуэлс, блюз, потом регтайм... Ну а в 50-60-е годы прошлого столетия настала пора расцвета этого вида искусства. И вот я слышу, как саксофонист «беседует» о чём-то с пианистом, не отрывая губ от мундштука, а трубач, надувая щёки, словно бы произносит пламенную речь, обращаясь к публике, и надеется, что его поймут. Это и был настоящий джаз в отличие от того, чем нас потчуют нынешние музыканты – виртуозно владеют инструментами, но за этим нет того содержания, которое составляло основу джаза в давние времена. Впрочем,

это моё субъективное мнение, и я не навязываю его никому.

Ну а теперь в качестве лирического отступления приведу отрывок из своего романа «Покаянные сны»:

«Джазовый клуб «Бильбоке» располагался недалеко от Сены, на углу улицы Сен-Бенуа и улицы Аббей. По сути, это три небольших зала, расположенных один над другим, с эстрадой на среднем ярусе. Войдя туда, я сразу же окунулся словно бы в другой, прежде неведомый мне, недоступный мир. Чёрные, красные тона, жёлтый приглушённый свет и волшебные, чарующие звуки. Крохотная эстрада едва вместила рояль и несколько соединённых вместе барабанов. Сбоку прилепился контрабас. И все – пианист, контрабасист и ударник, были черны как антрацит. Прежде я таких лишь в цирке «шапито» встречал. Причём все трое, не отрывая рук от инструментов, с каким-то жутким, невыносимым восторгом взирали на Неё. Это была Она, та самая мулатка, я тут же догадался. Но как она пела! Как! Это надо слышать!

Она пела так, что все оперные дивы, а я за свою жизнь их немало повидал, вдруг, окажись они здесь, съёжились бы до размера клавиши на том рояле, а после стремглав бежали от позора, что называется, куда глаза глядят. Глаза же тех, кто находился здесь, никого не замечали – только эта певица на крохотной эстраде, богиня и властительница, фея, обольстительница, девка с Пляс Пигаль, убитая горем женщина и заботливая мать, поющая колыбельную у кровати сына... И тут же, тут же раздавались пронзительные крики, которые

бывают только в ночь любви. Так может петь только она!

Блюз сменялся блюзом, дальше – знаменитый стандарт «Take five». И «Караван» – вершина джазового искусства!»

Роман был написан десять лет назад, когда увлечение нашей «героини» оставалось тайной. Возможно, пела, но только для себя, запершись в своей комнате или в ванной – обычно там хорошая акустика, знаю это на личном опыте. Ну а эпизод из романа «Антифарм» возник как бы сам собой после того, как я услышал на YouTube несколько песен в исполнении актрисы:

«Случилось так, что после митинга меня пригласили на концерт в джаз-клуб. Оля отказалась, сославшись на усталость, хотя, возможно, дело в том, что приглашение исходило от Марины. Что ж, почему бы не пойти, тем более что к джазу я не равнодушен с давних пор.

Ничем не примечательный двухэтажный дом на Пятницкой, однако интерьер выполнен по самым лучшим образцам. Атмосфера вполне располагает к тому, чтобы насладиться музыкой – это, если повезёт, и не нарвусь на скверных исполнителей. Ведь джаз – это не просто свинг или биг-бенд. Это душевный разговор джазменов между собой и попытка привлечь к этому разговору зрителей. Тут виртуозной техники явно недостаточно – всё потому, что здесь нужна душа! Без этого получается не джаз, а банальная халтура.

Удивило то, что Марина забронировала нам столик, но в зале её почему-то нет. Неужели решила подшутить или ка-

кую-то гадость приготовила? Впрочем, за последнее время я к этому уже привык... Но вот что стало полной неожиданностью: после нескольких джазовых композиций, исполненных музыкантами довольно сносно, на сцене появилась Марина. Прежде мне не приходилось слушать джаз в исполнении драматических актрис – если что-то и было, то старался поскорее забыть. Поэтому никак не ожидал, что повезёт сегодня. Однако Марина не разочаровала – конечно, до Эллы Фицджеральд ей далеко, и всё же впечатление самое приятное. Если займётся основательно вокалом, то через пару лет на её концерты будет ломиться вся Москва.

После того, как исполнила несколько джазовых песен, Марина сделала знак оркестру и обратилась к залу:

– А теперь я хочу пригласить на сцену кого-нибудь из зрителей, мы споём дуэтом. Вот, скажем, вы, – и протянула руку в мою сторону. – Да-да, вы. Не стесняйтесь, проходите.

Что ж, вышел на сцену, причём ни жив, ни мёртв. Одно дело держать речь перед публикой, а тут совсем не то – вокал. Конечно, могу что-нибудь изобразить в дружеской компании, но петь со сцены ещё не приходилось.

– Ну что, споём?

– Да с вами готов даже сплясать.

– Нет уж, это как-нибудь в другой раз.

Смеётся. А я готовлюсь к полному провалу. Ох, не надо было приходить сюда, но что поделаешь, отказать даме так и не решился. А Марина продолжает:

– Вам нравится что-нибудь из репертуара Синатры?

Покопался в памяти:

– Нью-Йорк, Нью-Йорк...

Похоже, она удивлена:

– Как ни странно, мы с вами в этом совпадаем.

– Только я слов почти не знаю.

– Это поправимо. Вот шпаргалка, – и протягивает мне текст.

Что было дальше, с трудом припоминаю. Но видимо, после первых тактов с небес явилось вдохновение, и понеслось:

Start spreading the news, I'm leaving today

Want to be a part of it – New York, New York

These vagabond shoes, are longing to stray

Right through the very heart of it – New York, New York...

Конечно, Тони Беннетт или сам Синатра гораздо лучше справились бы с этим делом. Но, судя по тому, что публика не освистала, и я не подкачал. Когда закончили последний куплет, раздались аплодисменты, а я, как стихло, пояснил:

– Будь на моём месте телеграфный столб, даже он наверняка бы спел вполне прилично. А потому что рядом с Мариной просто невозможно плохо петь. Видимо, аура у неё такая».

Этот текст я привёл не потому, что мечтаю спеть дуэтом с нашей «героиней». Вовсе нет – не потяну! Просто хотел таким образом выразить свою признательность за то, что она поёт. Пусть пока не сравнилась в мастерстве исполне-

ния с Эллоу Фицджеральд, но время, надеюсь, ещё есть –
когда-нибудь это станет возможным.

Глава 6. Таланты и наставники

Есть мнение, что актёр – это весьма эгоцентричное существо, а его работа на сцене или на съёмочной площадке в чём-то сродни эксгибиционизму. На мой взгляд, многое зависит от устройства его психики – человек вполне психически здоровый вряд ли сможет удивить публику, создав неповторимый образ, будь то на сцене, в книге или на холсте.

Тут самое время порассуждать о происхождении таланта – ведь если такового нет, тогда со всей этой эгоцентричностью и эксгибиционизмом надо обращаться к психиатру. Кстати, с психиатра и начнём, ну а желающих углубиться в эту тему отсылаю к своей книге «Вообрази свой мир! Из жизни гениев и психов».

Французский психиатр Моро де Тур полагал, что гениальность – это невроз, полуболезненное состояние мозга, причём повышенная раздражимость нервной системы является общим источником как выдающейся психической энергии, так и душевного заболевания, а вот вполне нормальное состояние организма никогда не сочетается с высокой одаренностью. Шопенгауэра утверждал, что гениальные личности обнаруживают недостатки, аффекты и страсти, сближающие их с безумными. Итальянский психиатр Чезаре Ломброзо тоже склонялся к мысли об идентичности гениальности с безумием. Если речь заходит о науке, эти понятия труд-

но совместить – гениальность учёного предполагает наличие выдающегося ума, а безумие – отсутствие такового. Творчество художника, артиста – это совсем другое дело, поскольку там мысль отходит на второй план.

Психиатр Михаил Кутанин ограничил сферу своих исследований творчеством писателей, художников, философов и музыкантов – в конце 20-х годов были опубликованы две его статьи: «Гений, слава и безумие», «Бред и творчество». Вот что он писал:

«Связь искусства и одарённости с душевным заболеванием тема не новая, но в современном освещении она приобретает новый интерес и становится всё более привлекательной. Не так давно отдельные авторы высказывались, что экспрессионизм отражает в себе признаки душевного расстройства. Однако здесь самую постановку вопроса надо считать неправильной. Вопрос об оценке произведений, решает их качественная сторона как таковая, а не то или иное состояние здоровья автора».

На самом речь должна идти не об «оценке» произведений – о поисках истоков вдохновения. Почему Иннокентий Смоктуновский сумел создать замечательные образы в театре и в кино, а какому-то выпускнику школы-студии МХАТ или Щукинского училища это никак не удаётся? Конечно, никому не придёт в голову мысль, будто Смоктуновский страдал психическим заболеванием, однако Кутанин настаивает на своём:

«Творческий процесс, – это надо считать установленным – происходит вне сферы ясного сознания. Создать аналитическим умом, „надумать“ картину, поэму, симфонию – нельзя. Для этого нужно иметь специальный дар, и самое произведение появляется в главных своих очертаниях неожиданно из таинственных недр бессознательного; оно приходит из тех же областей, где возникает бред и близкие к нему патологические и сходные с ними состояния».

Что это за дар, психиатр не объясняет, да и откуда ему это знать, если не создал ни поэму, ни симфонию? А вот как Вагнер объяснял возникновение в своём сознании отдельных фрагментов оперы «Тристан и Изольда»:

«Вдруг постучался ко мне мой добрый гений, моя прекрасная муза, и всё осветилось в одно мгновение. Я сел за рояль и стал писать с такой стремительностью, как будто я всё уже знал наизусть».

Итак, по-прежнему неясно – что, откуда и почему? Заплутав в «психической полутьме», Кутанин переходит к анализу бредовых состояний:

«Нечто подобное развёртывается в психике больного и при различных состояниях отравления. Одним из типичных можно считать бред при белой горячке. И здесь, знакомясь с переживаниями больного, мы попадаем в мир чертей, в преисподнюю, в различные фантастические страны, туда, куда уносит нас поэт в своих воображаемых ситуациях. Неудивительно, что Э. По и А. Гофман, злоупотреблявшие спиртными

ми напитками, использовали эти переживания в целях своих, поразительных по жуткости, рассказах и сочинениях».

По мнению психиатра, всё предельно просто – стоит крепко выпить, и вот отравленный организм сам выдаёт такие образы, которые трезвому человеку и не снились.

«Здесь, в этих областях ... „подсознания*“, сближается гениальность и помешательство, здесь рождается бред, и отсюда возникают прекраснейшие произведения искусства. Поэтому изучение болезненного творчества обещает нам приоткрыть завесу над скрытой ещё областью творчества здорового».

К сожалению, от здорового творчества до болезненного – всего лишь шаг, и актёры не стали исключением. Как бы ни было «регламентировано» пребывание на сцене или во время съёмок кинофильма, именно актёр благодаря своему таланту создаёт тот художественный образ, который вызывает восхищение зрителей, сидящих в зале или у экрана телевизора. Столь же верно и то, что многие актёры пьют, по крайней мере, так было в то время, когда я «вращался в артистической среде». Почему это происходит? Кто-то не может справиться со стрессом – дали не ту роль, о которой давно мечтал, плохо сыграл или надорвался, выложившись на полную катушку, поэтому нужна какая-то «разрядка». Кто-то выпивает просто «за компанию» – нельзя же отказать влиятельным поклонникам, а после спектакля или киносъёмок полагается отпраздновать событие в кругу коллег. Помимо пере-

численных, у актёра есть ещё множество причин и поводов для пьянства, к примеру, скверная наследственность, проблемы в личной жизни, убеждение в том, что алкоголь рождает вдохновение, и всё же главная причина – это ощущение, что он марионетка. Как ни обидно прозвучит, но это так, и лишь немногим удаётся возвыситься над участью раба, исполняющего волю режиссёра. Трудно выдержать такое унижение, вот потому нередко и возникает пристрастие к вину.

Николай Черкасов не считал себя марионеткой – облаканный властью, народный артист и лауреат мог возразить и режиссёру, и чиновнику из министерства культуры, которому что-то не понравилось в спектакле. И правда, таким, как он, дозволялось многое. По отзывам современников, исполнитель ролей Александра Невского и Ивана Грозного в одноимённых фильмах, никогда не выходил на сцену, не выпив рюмку коньяка, но вряд ли кто-то взял бы на себя смелость обвинить его в алкоголизме. Видимо, началось с того, что, выпивая очередную рюмку, он получал возможность хоть на время забыть о том, какая страшная судьба выпала на долю его близких в осаждённом Ленинграде. Потом глушил вином свои обиды на то, что в театре играет только небольшие роли. Ну а затем как-то незаметно выпивка вошла в привычку. Однако перед зрителями Черкасов представлял во всей красе, демонстрируя возможности своего таланта, и почти никто не замечал, что актер играет, будучи слегка навеселе.

Выпивал и Николай Гриценко, но это не помешало ему

создавать впечатляющие образы и в театре, и в кино. Вот и Пётр Алейников тоже не был алкоголиком, хотя пил довольно часто, при этом он пьянел даже от одной рюмки водки. Учитывая такую особенность организма, врачи запретили ему употреблять алкоголь, однако актёр не прислушался к словам медиков, оправдывая пагубную привычку тем, что алкоголь помогает убежать от тяжелой реальности. О том, что Юматов страдает алкоголизмом, знали все. Встречи с друзьями нередко заканчивались длительными запоями, после которых артиста находили то в ялтинском вытрезвителе, то в питерской больнице. Василий Лановой вспоминал в одном из интервью:

«Жора являл собой в натуре замечательного русского человека: если он надирался, так надирался по-русски – так, что группа останавливалась и потом говорили: "А что делать?"».

Юматов сильно переживал отсутствие настоящих, по его меркам, ролей. А пока работы не было – пил. Несмотря на этот грех, его приглашали сниматься в фильмах – причина в том, что ему удавалось создавать на экране подлинные, а не кем-то сконструированные, ходульные характеры людей.

Олег Даль умер, когда ему было только тридцать девять лет. По воспоминаниям Эдварда Радзинского, Даль страдал от болезненного перфекционизма и тяжело воспринимал несовершенство, особенно в своих актёрских работах. Был трижды женат, и все три раза неудачно. Перед спектак-

лем Даль мог выпить полбутылки коньяка, а затем, выйдя на сцену совершенно пьяным, блестяще сыграть роль. Евгений Евстигнеев мог пропустить рюмку перед спектаклем, в антракте «принять на грудь» сто граммов, однако на сцене был неподражаем, и никто из зрителей не догадывался, что он «выпимши». Георгий Бурков стал популярен благодаря фильмам «Ирония судьбы, или с лёгким паром!» и «Зигзаг удачи», где играл персонажей, склонных к выпивке. Надеялся исполнить роль Дон Кихота или Гамлета, но только в нескольких фильмах ему удалось обойтись без каких-либо намёков на вредную привычку. В этом Буркову помогла дружба с Василием Шукшиным, который предложил ему роль в фильме «Калина красная». Впрочем, и Шукшин имел пристрастие к алкоголю, причём пил так, как пьют простые мужики, биндюжники или лесорубы – этому не стоит удивляться, если припомнить, сколько он перепробовал профессий до того, как стал писать рассказы и попал в кино.

Иннокентий Смоктуновский не был алкоголиком – даже в мыслях не могу такого допустить. Однако мне надолго запомнилась сцена, когда он давал интервью журналисту с телевидения. Дело было в квартире Смоктуновского, актёр сидел то ли на диване, то ли в кресле, а перед ним на столе – бокал с красным вином. И вот Смоктуновский произносил несколько фраз, затем прикладывался к бокалу и только после этого продолжал что-нибудь рассказывать.

Два основных греха, которые приписывали Михаилу Еф-

ремову – любовь к выпивке и к женщинам, – по-видимому, достались ему по наследству от отца. У Олега Николаевича хватило сил, чтобы не переступить ту черту, которая отделяет пьянство от безумия, а вот Михаил не смог. И впрямь, авткатастрофу на Садовом кольце нельзя рассматривать иначе, как следствием безумия, которое обуяло Михаила после употребления алкоголя и наркотиков. В итоге талантливый актёр оказался в тюрьме, что вполне логично – рано или поздно наступает расплата за грехи.

Так можно ли отделить актёрскую профессию от пьянства? Мне приходилось общаться с трезвенниками – и в жизни они слегка занудливы, и на сцене создавали образы, которые не впечатляли, поскольку оригинальных, самобытных красок в актёрской палитре явно не хватало. Можно всё это объяснить тем, что у них не было того творческого потенциала, того таланта, который позволил достичь актёрской славы Иннокентию Смоктуновскому, Евгению Леонову и его тёзке Евстигнееву. Когда смотришь фильмы и спектакли с их участием, становится понятно – успех зависит от способности актёра воплощать характеры и комические, и трагические, нередко совмещаемые в одном персонаже. Увы, не каждому это дано, а склонность к выпивке тут совершенно ни при чём. Что же до пьянства, которое вызвано неприятием того, что происходит в окружающем нас мире, желанием убежать от опостылевшей реальности, то поводов для этого всегда навалом – хотя бы в силу несовершенства живущих на Зем-

ле людей.

Итак, к чему же мы пришли? Пить или не пить – это каждый сам решает для себя. И всё же – что лежит в основе творчества? Наша «героиня» полагает, что профессионализм. Иными словами, если не закончил Суриковку, не имеешь права писать картины, а если поленился поступить в Литературный институт, тебе не место среди признанных писателей. Напоминает что-то вроде запрета на профессию. И невдомёк актрисе, что многие научные открытия совершили дилетанты. Проблема в том, есть ли у человека способности, талант – ведь его не купишь в супермаркете. Вместо того, чтобы переливать из порожнего в пустое, расскажу историю о Перельмане.

Григорий Перельман закончил физматшколу, а в возрасте тридцати семи лет доказал справедливость гипотезы Пуанкаре, согласно которой всякое односвязное компактное трёхмерное многообразие без края должно быть гомеоморфно трёхмерной сфере. Сформулированная в 1904 году математиком Анри Пуанкаре гипотеза так и оставалась таковой на протяжении почти ста лет, теперь же она стала единственной на данный момент решённой задачей тысячелетия – к числу математических задач, нерешённых за много лет, принадлежат также гипотезы Ходжа и Римана. В 2006 году Перельману присудили Филдсовскую премию за вклад в геометрию, но он отказался её получать, как и «Премии тысячелетия» размером в миллион долларов. Более того, Перель-

ман ушёл из института, где проработал пятнадцать лет. Судя по всему, его не устроила обстановка в математическом сообществе, использование некоторыми коллегами нечистоплотных методов в науке:

«Люди подобные мне – вот кто оказывается в изоляции... Разумеется, существует масса более или менее честных математиков. Но практически все они – конформисты. Сами они честны, но они терпят тех, кто таковыми не являются... Вот почему я был вынужден уйти».

Что же позволило Перельману претендовать на титул «гения»? Мать – учитель математики, вот и дети увлеклись этой наукой. Но этого явно недостаточно. Видимо, многое зависит от характера – нередко грандиозные открытия в науке совершают люди, как бы ушедшие в себя, живущие в своём замкнутом мире, мире идей и образов, куда посторонним вход воспрещён. Отчасти поэтому Перельман работал над доказательством гипотезы Пуанкаре в одиночку, не посвящая в своё увлечение коллег. Впрочем, могла быть и ещё одна причина для затворничества – есть немало желающих приобщиться к творческому процессу без достаточных на то оснований, особенно много «нахлебников» среди начальства и бесталанных коллег.

Ещё одна черта характера, которая позволит талантливому человеку реализовать свой потенциал – это упорство в достижении цели. Вот что писал генетик В.П. Эфроимсон в книге «Гениальность и генетика», опубликованной в 1998

году:

«Нетрудно видеть, что все рано выделившиеся своими выдающимися талантами юноши либо воспитывались в обстановке, чрезвычайно стимулировавшей развитие и реализацию их таланта, либо сумели такую обстановку создать благодаря упорству. Последнее утверждение прекрасно можно проиллюстрировать историей жизни Марии Склодовской-Кюри. Когда она одинокой жила в Париже, втаскивая уголь для печки на шестой этаж, когда в её комнате нередко ночью замерзала вода, а ей самой приходилось голодать, она сказала: "Никому из нас не легко жить, но мы должны сохранять упорство, и, главное, верить в себя. Нужно верить, что ты чем-то даровит и что тебе чего-то надо добиться любой ценой"».

Тут многое зависит от наставников и покровителей. К примеру, режиссёрское дарование Мейерхольда проявилось ещё в начале прошлого века, когда он поставил множество спектаклей на сценах театров Петербурга и Херсона, но приглашение в Александринку в 1908 году состоялось только благодаря директору императорских театров Владимиру Теляковскому. Мейерхольд был весьма признателен благодетелю и уже гораздо позже, при советской власти, предоставил бывшему директору постоянное место в своём театре – Теляковский пользовался этой привилегией вплоть до своей кончины в 1924 году. Однако существование театра Мейерхольда было бы невозможным без поддержки Троцкого и Луна-

чарского. Рассчитывая на покровительство властей, Мейерхольд даже сформировал при театре художественно-политический совет из партийно-правительственной верхушки во главе всё с тем же Троцким. «Первому красноармейцу» он посвятил и свой спектакль с весьма впечатляющим названием «Земля дыбом». Тучи стали сгущаться в 1936 году, когда уже не было рядом с Мейерхольдом ни Троцкого, ни Луначарского.

Нашей «героине» с наставниками повезло, однако она утверждает, что одного таланта мало – необходимо и везение, без него никак не обойтись. Талант, наставники, везение... Иной раз слышишь и такое: надо уметь себя грамотно преподносить и продвигать, чуть ли не круглые сутки работать над своим имиджем. Вот и актриса тоже «преподносит», даёт интервью, рекламирует одежду и духи, однако и тут иногда возникает подозрения о связи гениальности с безумием: психика расшатана профессией, работать приходится на износ. По признанию актрисы, её чуть не погубил «страх упустить возможность» – речь идёт о новых ролях. К счастью, вроде бы обошлось без огорчительных последствий.

Глава 7. Иллюзия любви и счастья

Как известно, счастье не выдаётся по талонам, тем более что всегда найдётся тот, кто протиснется без очереди или пройдёт через служебный вход. Поэтому приходится искать там, где очередь поменьше – кто-то находит счастье в творчестве, кто-то в семье, кто-то в деловой карьере, но вот чтобы всё сразу вместе... Наверное, бывают исключения, но мне такие случаи неизвестны. Ну а здесь придётся ограничиться поиском ответа на вопрос: при каких условиях может быть счастлива актриса?

Допустим, что актрисе предложили роль в спектакле по пьесе Чехова «Три сестры», и вот она пытается понять, почему сёстры так несчастливы – всё чего-то хотят, но ничего хорошего не происходит. Ну почему они не разрешают себе быть счастливыми? Почему такая интересная, такая красивая женщина, как Маша, в жизни столь несчастлива?

Вряд ли переезд в Москву что-нибудь изменит, если в душе отчаянье или пустота. Чем это вызвано, вроде бы понятно, но что могут предпринять сёстры, чтобы изменить окружающую их действительность и собственную жизнь? Вступить в партию эсеров, как это сделали Анна Пигит и Евгения Ратнер, или записаться в большевики, следуя примеру актрисы МХТ Марии Фёдоровны Андреевой? О том, к чему это привело, можно прочитать в моей книге «Старая

Москва, 1890-1940». Только одной из тех троих удалось, в какой-то степени, добиться того, чего хотела, да и то благодаря близкому знакомству с Саввой Морозовым и Максимом Горьким. Ну а на что способна Маша? Непонятно, на что она надеется, произнося в финале пьесы вот такие слова:

«О, как играет музыка! Они уходят от нас, один ушел совсем, совсем навсегда, мы останемся одни, чтобы начать нашу жизнь снова. Надо жить... Надо жить...»

Но как изменить свою жизнь? Похоже, ни Маша, ни Чехов этого не знают.

Совсем другое дело наша «героиня», но это уже не из пьесы Чехова, – талантлива, любимица столичной публики, однако ни Горького, ни Морозова рядом с нею нет. Похоже, что и тут все хлопоты пока напрасны. Какой же человек может ей понравиться? С хорошим чувством юмора, талантливый в каком-то деле, нежный, тот, с которым можно обо всём поговорить, и он поймёт. Ей хочется верить, что есть и такие, хотя кругом полным-полно невежественных, хамоватых, имеющих весьма искажённое представление о том, что такое нравственность.

В поисках своего идеала лучше обойтись без фанатизма – если потерпела неудачу, надо сделать выводы и впредь не поддаваться на уговоры «ласковых» мужчин. Но тут возникает внутренний конфликт: хочешь, чтобы была нормальная, счастливая семья, и в то же время боишься снова совершить ошибку. Проблема в том, что любая женщина боится одино-

чества гораздо больше, чем обманщиков-мужчин. Ну кто ей скажет ласковое слово, кто посочувствует, кто приободрит? На подруг не приходится надеяться – у них свои семьи, куча собственных проблем.

Судя по всему, одиночества актриса всё же избежала и пока нет оснований для разочарования. Но вот что странно – не помышляет о замужестве. Не исключено, что на её мнение о браке повлияло предостережение Гёте, которое она могла прочитать в книге И.П. Эккермана «Разговоры с Гёте», впервые опубликованной в 1825 году:

«Я знал немало женщин, одарённых в других областях искусства, и с замужеством всё это кончалось. Некоторые девушки прекрасно рисовали, но, став женщинами, матерями, уже не брали в руки карандаша и занимались только своими детьми».

Конечно, жаль, если творческая карьера талантливой актрисы прервётся хотя бы на два года из-за рождения ребёнка, но ведь к этому времени ей могут предложить более содержательные роли. Проблема в отсутствии интересных сценариев, в этом признавалась она сама, – я мог бы кое-что ей предложить, однако далёк от того, чтобы «проталкивать» таким образом собственные сочинения. Будем надеяться на то, что Русь литературными талантами ещё не оскудела.

Но пора вернуться к счастью и любви. Сразу признаюсь, что для меня любовь – это загадка. Достаточно очевидны лишь проявления любви. Чтобы убедиться в этом, обратим-

ся к пьесе «Чайка»:

«Треплев (прислушивается). Я слышу шаги... (Обнимает дядю.) Я без неё жить не могу... Даже звук её шагов прекрасен... Я счастлив безумно. (Быстро идёт навстречу Нине Заречной, которая входит.) Волшебница, мечта моя...»

«Волшебница, мечта» – эти слова ничего не объясняют. На вопрос «за что?» или «почему?» ни один влюблённый не сможет дать внятного ответа – только разведёт руками или скажет: потому что жизнь не мыслю без неё. Это удивительное чувство приходит неожиданно и остаётся надолго – либо исчезает и в этом никто не виноват. А впрочем, нет – исчезает страсть или влюблённость. Вот и Тригорин испытывает такую страсть к Нине Заречной, и не находит ничего лучшего, как исповедоваться в том Аркадиной:

«Любовь юная, прелестная, поэтическая, уносящая в мир грёз, – на земле только она одна может дать счастье! Такой любви я не испытал ещё... В молодости было некогда, я обивал пороги редакций, боролся с нуждой... Теперь вот она, эта любовь, пришла наконец, манит... Какой же смысл бежать от неё?»

Причём тут смысл? Если возникло то самое удивительное чувство, нельзя так говорить. Придётся сделать вывод, что здесь присутствует лишь страсть, неутолённая, неутолимая. Но вот встретится в Москве, и Нина попадёт в объятия опытного сердцееда. Нет сомнения, что Чехов писал портрет Тригорина, глядя в зеркало на самого себя. Эту догадку под-

тверждает Бунин в письме Чехову:

«Важно узнать от такого сердцеведа, как Вы <...> как устроить своё счастье так, чтобы никто от этого не был несчастлив».

Не знаю, что ответил Чехов – то ли письмо не сохранилось, то ли Чехову была неприятна эта тема, то ли попросту не знал ответа на заданный ему вопрос. А вот Тригорина эта проблема, похоже, вовсе не заботит – он жаждет получить желаемое и не более того. Всё потому, что безответная любовь невыносима...

В драме «Борис Годунов» Пушкин, словно бы развивая эту мысль, вкладывает в уста Бориса Годунова такие слова:

Мы смолоду влюбляемся и алчем
Утех любви, но только утолим
Сердечный глад мгновенным обладаньем,
Уж, охладев, скучаем и томимся?..

Казалось бы, Годунов задаёт вопрос, однако он ждёт лишь подтверждения своей догадки. В сущности, речь идёт о том, возможно ли совместить ту жизнь, которую ведёт царь или властитель дум, с семейным счастьем, основанным на подлинной любви.

Однако находятся и такие чудаки, как Назанский из повести Куприна «Поединок». Вот что говорит он Ромашову:

«Понимаете ли вы, сколько разнообразного счастья и очаровательных мучений заключается в нераздельной, безнадёжной любви?... о, какое безумное блаженство! – раз в жиз-

ни прикоснуться к её платью».

Ох уж эти нежные дворянские натуры начала прошлого века – мне их не понять. Особенно, если они имеют склонность к мазохизму. Поэтому буду настаивать на том, что только взаимное влечение приносит счастье. Это если очень повезёт.

А что же наша «героиня»? Годы идут, а она по-прежнему увлечена творчеством в театре и кино, этим счастлива и не обращает внимание на то, что, по большому счёту, нет семьи... Но, возможно, в эти самые минуты приняла какое-то важное решение и скоро всех нас удивит.

Глава 8. Ещё о тараканах

Нет, речь пойдёт не о тех популярных артистах, что поспешили уехать из России в феврале. Наверно сидят сейчас в каком-нибудь кафе на берегу Мёртвого моря или Рижского залива и не находят ответа на вопрос: почему Высоцкий не сбежал в Париж, хотя имел такую редкую возможность? В конце концов, каждый человек вправе самостоятельно судить о том, что происходит в мире и в стране. Однако актёр всё пропускает через сердце и не всегда включает голову – таковы особенности профессии. Поэтому его отношение к политическим событиям нередко бывает поверхностным, не имеет в своей основе серьёзных и убедительных аргументов. Просто всплеск эмоций и больше ничего.

Но есть и другие случаи, когда люди долгие годы тщательно скрывали своё отношение к российской власти, и вот теперь их ненависть выплеснулась, поскольку нашёлся подходящий повод. Как бы то ни было, их умозаключения крайне примитивны – якобы российские власти намерены оккупировать Украину, чтобы воссоздать СССР, ну или что-то в этом роде. Не стану углубляться в эту тему – желающих разобраться в причинах возникновения конфликта отсылаю к своей книге «Мастер Путин и Америка». Но сразу поясню, что мастером назвал российского президента вовсе не я, а журналист британской Times в августе 2008 году, после того

как наши войска принудили грузинское руководство к миру. Впрочем, эта тема сложна даже для меня, поэтому и в книге не сделал окончательного вывода.

Вот и наша «героиня» несколько лет назад признавалась, что нет у неё готовых ответов на вопросы, которые многие люди задают себе: как выжить в эти сложные времена, как не утратить человеческие черты и сохранить волю к жизни? На мой взгляд, вполне достаточно того, что она делает на театральной сцене и на съёмочной площадке. По крайней мере, не позволяет нам зачерстветь душой и перейти тут грань, за которой человек может превратиться в таракана, в ужасе бегущего куда глаза глядят... Я не собираюсь призывать к смирению, но для начала надо разобраться! Увы, тон здесь задают «медийные» личности, и многие их слушают, согласнo кивая головой – такое впечатление что напрочь лишились своего ума, а может быть, никогда его и не было.

А вот ещё одно странное её признание, сделанное в 2019 году: якобы мир несправедлив. Но это всё равно, что жаловаться на погоду – нам не по силам что-то изменить. Могут попытаться что-то сделать писатель, кинорежиссёр или артист, но результат будет только через много лет, не раньше, чем в следующем поколении...

А теперь, чтобы не завершать книгу на печальной ноте, предлагаю вашему вниманию отрывок из моего романа «Уходящее время»:

«...Она на сцене, поёт под аккомпанемент оркестра:

You blow a fuse
Zing boom
The devil cuts loose
Zing boom
So what's the use
Wow bam
Of falling in love?..

Это её «wow» напоминало пронзительный визг истерички, но, как ни странно, именно такой способ выражения эмоций соответствовал характеру персонажа, которого Анна представляла, стоя на эстраде. А что если она и впрямь такая, только тщательно скрывает? Тогда многое в ней становится понятно – внутри словно бы всё бурлит, однако надо сдерживать себя, поэтому то, что слышишь от неё, и то, что видишь, воспринимаешь более объёмно. Она вроде бы спокойна, но знаешь, что в глубине её души кипят шекспировские страсти. Нечто подобное бывает, если написал небольшой рассказ, но скрытый, неявно выраженный его смысл достоин многостраничного романа».